

А. Г. ШИРОКОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

1

Национальный чешский язык в силу своеобразия исторического развития чешского народа как носителя и создателя этого языка отличается сложностью своего состава и значительными структурными различиями входящих в него компонентов. В сложной, неоднородной структуре национального чешского языка, включающей в себя различные языковые образования, служащие средством общения, понимания и мышления всего чешского народа, следует выделить такие ее компоненты, как литературный язык со всеми его функциональными ответвлениями (например, разговорный язык), с одной стороны, и диалекты с их наддиалектными образованиями (народно-разговорная речь, см. ниже), — с другой. Указанные компоненты национального чешского языка имеют глубокие различия, касающиеся не только лексики, фразеологии и синтаксиса, но также грамматики и звукового строя языка. Кроме того, следует отметить различное назначение каждого из этих компонентов национального языка, выступающих в присущей им функции.

Одним из основных компонентов национального чешского языка является выполняющий роль общенародного языка литературный чешский язык (*spisovná čeština*), который отличается широтой своих функций и богатством выразительных средств. Литературный чешский язык является средством общения чешской нации во всех областях ее духовной, политической и культурной жизни. Это язык школы, печати, изданий, радио, театра и пр. При определении функций литературного языка следует иметь в виду как его письменную форму (язык художественной, научной и политической и др. литературы), так и устную (язык радио, школы и пр.). От устного литературного чешского языка, воспроизводящего нормы книжного, письменного языка, следует отличать разговорный литературный чешский язык (*hovorová čeština*¹), который является средством устного общения носителей литературного чешского языка, т. е. образованной части населения в повседневной жизни, в дружеской, семейной, интимной обстановке. Ниже мы будем называть его разговорной формой литературного чешского языка.

Разговорная форма литературного чешского языка отличается от собственно литературного чешского языка (в его устной и письменной форме) рядом фонетических, грамматических, синтаксических, лексических особенностей. Некоторые чешские ученые считают ее даже особым структур-

¹ См. B. Havránek, *Nářečí česká*, «Československá vlastivěda», díl III — Jazyk, Praha, 1934, стр. 87; F. Trávníček, *Úvod do českého jazyka*, Praha, 1952, стр. 59—61; его же, *O jazykovém slohu*, Praha, 1953, стр. 13.

ным образованием, имеющим свой основной словарный фонд и особый грамматический строй¹. С нашей точки зрения, разговорная форма литературного чешского языка является функциональным ответвлением литературного языка, появившимся в результате взаимодействия, взаимовлияния архаического письменного языка с народно-разговорной речью (о которой см. ниже) и с чешскими диалектами. Являясь отпочкованием литературного языка, разговорная форма содержит также элементы народно-разговорной речи.

Различия между разговорной и письменной формами литературного языка имеют место во многих языках, но в чешском языке они выступают резче, чем в других славянских языках, и весьма специфичны по своему характеру. Объясняется это причинами исторического развития. Литературный чешский язык возник и сформировался в основных своих чертах на основе среднечешского наречия еще в XIV—XV вв. Однако, возникнув на народной основе, в дальнейшем в силу особых исторических условий развития (которые будут освещены ниже) литературный язык стал значительно отличаться от народно-разговорной речи и чешских диалектов. Книжный, архаический характер литературного чешского языка, его оторванность от народно-разговорной речи не позволили ему стать разговорным языком широких слоев чешского населения.

Между тем разговорная форма литературного чешского языка в своем развитии, начиная с момента возникновения, находится в тесной связи с народно-разговорной речью, а в некоторых своих аспектах и тесно сливается с ней².

Следует также отметить, что разговорная форма литературного языка имеет свои территориальные варианты. Наибольшее распространение получил пражский разговорный язык, который в своей основе представляет литературный язык, в большей или меньшей степени содержащий народные, главным образом пражские и среднечешские элементы. Это наиболее стабилизировавшаяся языковая структура. Кроме пражского варианта намечается образование разговорной формы литературного языка и в Моравии — брненский вариант.

Лингвисты еще мало сделали для описания состава, определения границ и норм разговорной формы литературного языка. Те немногие чешские авторы, которые занимались этим вопросом, не высказывают единой точки зрения. Одни из них приписывают разговорной форме литературного языка многие черты народно-разговорной речи, другие — лишь некоторые из них³. Уже это является свидетельством того, что границы между разговорной формой литературного языка и народно-разговорной речью очень подвижны, условны и переменчивы, что в процессе дальнейшего развития эти две формы разговорной речи должны слиться.

Кроме литературного чешского языка в широком смысле слова (со всеми его функциональными ответвлениями), компонентом национального чешского языка являются также наречия (диалекты) с их наддиалектными образованиями. Под все углубляющимся влиянием чешского литературного языка диалекты постепенно теряют свое значение на тех территориях, где раньше они служили единственным средством языкового общения, причем в процессе нивелировки между близкими наречиями стираются наиболее специфические, наиболее резкие различия и развивается особый

¹ См. F. Trávnický, O jazykovém slohu, стр. 13—14.

² См.: B. Navránek, Nářečí česká стр. 87; F. Trávnický, Úvod do českého jazyka, стр. 59; F. Kopečný, Spisovný jazyk a jeho forma hovorová, «Naše řeč», XXXIII (1949), č. 1—2, стр. 17.

³ См. работы: F. Trávnický, Úvod do českého jazyka, стр. 59—61; F. Kopečný, укал. соч., стр. 17—20.

тип народно-разговорной речи (интердиалект, который в чешской лингвистике принято называть *obecná čeština*), лишенный целого ряда локально-ограниченных особенностей и представляющий широкое развитие тех черт, которые являются общедиалектными, общенародными. Так, в Чехии возникла народно-разговорная чешская речь, близкая по своей грамматической структуре и звуковому составу к среднечешскому наречию, в Моравии — ганацкая народно-разговорная речь, в Силезии — ляшская¹. Народно-разговорная чешская речь (*obecná*) является средством устного общения и взаимного понимания тех слоев населения, которые в недавнем прошлом являлись и в известной степени являются носителями диалектов и которые если и владеют литературным языком, то пассивно, в силу его книжного архаического характера. Следует отметить, что лица, активно владеющие литературным чешским языком, в общении с лицами, говорящими на диалектах, также прибегают к народно-разговорной речи, ибо ее нормами практически владеет все чешское население.

Различные стороны языкового строя народно-разговорной речи, являющейся одним из существенных компонентов национального чешского языка, в лингвистической литературе почти не освещены. Между тем народно-разговорная речь существенно отличается от литературного языка не только лексическими и синтаксическими особенностями, но также своим звуковым и грамматическим строем. Назовем хотя бы некоторые отличия:

В области звуков: звук *ě* (орф. *ě*) литературного языка соответствует в народно-разговорной речи *i* (орф. *í, ý*) (*chléb//chlib*); *ī* (орф. *y, i*) соответствует *ej* [*celý týden* (лит.) — *celej tejden*]; начальному *o* соответствует *vo* (*on odešel* — *von vodešel*); *ū* (орф. *ú*) в начале слов соответствует *ou* (*úroda* — *ouroda*). В народно-разговорной речи широко представлено упрощение группы согласных. Ср. в литературном *však, půjdu, tkadlec, hřbitov* — в народно-разговорной речи *šak, puđu, kadlec, řbitov* и пр.

В области форм:

1. В соответствии с разными окончаниями творительного падежа множественного числа существительных всех трех родов литературного языка в народно-разговорной речи распространено окончание *-ma* (*-ama, -ema, -ima*): ср.: в литературном *domy, ženami, dušemi, městy, moři* — в народно-разговорной речи *domama, ženama, dušema, mořema*.

2. В отличие от литературного языка, сохраняющего в именительном падеже множественного числа у прилагательных, местоимений и причастий различие по родам, а в мужском роде также различие по одушевленности и неодушевленности, в народно-разговорной речи для всех трех родов употребляется одна форма.

В литературном языке *noví dělníci, nové domy, nová okna* — в народно-разговорной речи *nový (dělníci, domy, vokna)*; в литературном *tí dělníci přišli, ty ženy přišly, ta děvčata přišla* — в народно-разговорной речи: *ty (dělníci, ženy, děvčata) přišly*.

3. Притяжательные прилагательные на *-ův, -in* склоняются в народно-разговорной речи по образцу полных форм прилагательных (ср. *bratrův-bratrovůho, bratrovůmu* и пр.)

4. Полные прилагательные женского рода, а также притяжательные местоимения. в родительном, дательном и местном падежах единственного числа имеют в народно-разговорной речи иные окончания, чем в литературном языке (в литературном *té hodné* — в народно-разговорной речи *tej hodnej*).

¹ См.: B. Havránek, *Nářečí česká*, стр. 87; F. Trávníček, *O jazykovém slohu*, стр. 12.

5. В 1-м лице единственного числа и в 3-ем лице множественного числа в соответствии с окончаниями *i* (1-е лицо ед. числа) и *i* (3-е лицо множ. числа) литературного языка в народно-разговорной речи употребляются только *и* и *ои* (в литературном *miluji, miluji, šiji, šiji* — в народно-разговорной речи *miluju, milujou, šiju, šijou*).

6. В народно-разговорной речи широко проводится обобщение звукового вида основ в формах глаголов настоящего времени и повелительного наклонения. Ср. в литературном *reku, pečeš, upec!* (повел.) — в народно-разговорной речи *reči, pečeš, upeč!*

7. Сослагательное наклонение в литературном языке образуется при помощи вспомогательных форм *bych, bys, by, bychom...* (*přišel bych*), а в народно-разговорной речи употребляются формы *ja by sem přišel, ty by si...*¹

2

Для уяснения причин глубоких различий между литературным языком (в его устной и письменной форме) и народно-разговорной речью, а также для уяснения того, почему разговорная форма литературного языка значительно отличается от норм самого литературного языка, необходимо обратиться к закономерностям исторического развития чешского языка, которые находятся в зависимости от закономерностей развития общества, ибо «... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»².

Указанное различие между разными компонентами чешского национального языка существовало не всегда. Как уже говорилось, литературный чешский язык возник и сформировался на основе среднечешского наречия. Язык произведений XIV—XV вв. не обнаруживает значительных диалектных различий, а свидетельствует, напротив, о том, что в пределах чешских земель уже существовал более или менее единый литературный язык. Следует отметить тем не менее, что литературный язык до XV в. обслуживал главным образом определенные социальные слои населения: духовенство, дворянство, верхушку городского населения, которые сознательно пытались сохранить в литературном языке множество старых форм, вышедших из употребления в народной речи. Однако в период гуситского движения произошло значительное сближение литературного языка с разговорным языком широких слоев населения, так как простой разговорный язык в это время становится средством пропаганды реформаторских идей. Этому сближению способствовали также многочисленные переводы священного писания и комментарии, написанные простым, доступным для народа языком, распространение духовных песен (многие из них сочинял Гус), чтение библии на чешском языке и пр. К концу XV и началу XVI в. письменный литературный язык достигает значительной стабильности, так что к концу XVI столетия можно говорить о едином, достигшем большого расцвета и распространения языке. Период с 1520 по 1620 г. называют «золотым», классическим веком в развитии чешской литературы. Особая заслуга в подготовке этого периода принадлежит «Чешским братьям» — национальной и культурной организации, поднявшей языковую

¹ Подробнее см.: М. Веу, *Morphologie du tchèque parlé*, Paris, 1946; А. Г. Широкова, К вопросу о различии между литературным чешским языком и народно-разговорной речью, сб. «Славянская филология», вып. 2, [М.], 1954, стр. 6—14.

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1954, стр. 22.

культуру на необычайную высоту. Выдающимся произведением «Чешских братьев» является «Кралицкая библия», сыгравшая в дальнейшем большую роль в истории развития литературного чешского языка.

Однако после поражения чехов на Белой горе в 1620 г. Габсбургская династия, под власть которой перешла полностью вся Чехия, пыталась уничтожить политическую, экономическую и национальную независимость чешского народа.

В условиях национального угнетения, сочетающегося с тяжелейшим феодальным гнетом и полной экономической и политической зависимостью, шло резкое наступление на чешскую культуру, проводилась борьба с любыми формами проявления национальной самостоятельности (гонения против протестантов, против представителей различных братских кружков и корпораций). Школы, в которых учились чешскому языку, закрывались, а чешская литература беспощадно уничтожалась. Функции литературного чешского языка на протяжении последующих периодов значительно суживаются. В связи с денационализацией, онемечиванием чешского дворянства, духовенства и верхушки буржуазии разговорным языком этих социальных групп становится немецкий язык, который выступает в это время в качестве своеобразного социального жаргона. В функции научного языка восстанавливается латынь, а позже — немецкий и французский языки. Немецкий язык постепенно вытесняет чешский также в качестве официального и административного языка.

Хранителем и носителем чешского языка остается простой народ, развивающий свое творчество. Однако углубление местных, диалектных черт и окончательное оформление территориальных групп¹ не содействовало успешному взаимодействию диалектов с литературным языком. Письменный литературный язык этого периода, представленный незначительным количеством произведений (убогая литература религиозного содержания, предназначенная главным образом для сельского населения, и литература, созданная народом), характеризуется неустойчивостью грамматических норм и звукового строя, что объясняется влиянием диалектной речи на литературный язык, а также отсутствием должной разработки самих грамматических норм, незнанием авторами того времени законов чешской грамматики. Так, грамматика Росы (1672), написанная на латинском языке, но содержащая параллельный чешский текст, изобилует диалектными элементами, характерными для среднечешского наречия, и представляет все изменения, которые были к тому времени проведены в народном языке. Кроме того, в грамматике содержится ряд неверно образованных форм.

О непонимании законов развития чешского языка свидетельствуют и пуристические попытки ряда грамматистов. Так, на протяжении XVII—XVIII вв. блюстителями «чистоты» чешского языка велась борьба с заимствованными словами, в большом количестве проникшими в чешский язык. Представители этого пуристического направления В. Роса, А. Фрозин, Поль и Шимек вместо иностранных слов образовывали новые чешские слова, но делали это без достаточного знания законов чешской грамматики, без понимания закономерностей развития чешского языка. Стремление сделать свой родной язык более чешским нередко приводило их к произвольным, механическим словообразованиям, не соответствующим духу чешского языка. Так, например, Вузин (1700 г.) вводит слова *knihovtipník* вместо *student*, *měsícopis* вместо *kalendář* и даже *vonocit* вместо *nos*, так как последнее напоминало ему немецкое *Nase* и латинское *nasus*.

¹ См. B. Havránek, *Přehled vývoje českého jazyka s hlediska marxistického*, «Naše řeč», т. XXXV (1951), сеš. 5—6, стр. 90.

Поль и Шимек в своих грамматиках и сочинениях второй половины XVIII в. вводят *jezlin* вместо *talíř*, *letodník* вместо *kalendář* и т. д.¹

Упадок чешской культуры, литературы и языка зашел, таким образом, так далеко, что истинные защитники чешского языка потеряли надежду на его дальнейшее развитие и возможность его дальнейшего существования. Так, в 1790 г. известный чешский историк Пельцель писал: «...через 50 лет нам едва ли удастся найти чеха», а известный деятель Возрождения Иозеф Добровский писал в 1811 г. словенскому ученому Копитару: «дело нашего народа, если не поможет бог, совершенно безнадежно»².

3

Возрождение чешского языка, связанное с общим возрождением чешской культуры, началось не благодаря влиянию просветительных идей, распространявшихся из Франции, или же деятельности узкого круга лиц — представителей высшего общества, а было тесно связано с обострением классовых и национальных противоречий в Чехии в конце XVIII и в начале XIX в. Борьба за национальное возрождение, начавшаяся в связи с тем, что Чехия вступила на путь капиталистического развития, вылилась прежде всего в борьбу за национальный язык, за права родного языка во всех областях общественно-политической и культурной жизни, ибо «единство языка и беспрерывное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»³.

Развитие капитализма породило многочисленную буржуазию, которая активно включилась в национально-освободительную борьбу. Однако для понимания характера этой борьбы следует учитывать особенности государственного и политического положения чешских земель в составе Австрийской империи, приведшие к тому, что крупная промышленность находилась в руках немцев, а мелкая и средняя — в руках чехов. Поэтому «борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации...»⁴.

Усилия передовой части буржуазной чешской интеллигенции, которая стояла во главе буржуазно-национального движения, были направлены прежде всего на возрождение родного языка, на возрождение национальной культуры, что получило отражение в ряде лингвистических, литературоведческих и исторических работ того времени.

Начало чешского Возрождения характеризуется прежде всего обращением к историческим памятникам прошлого, которые в это время усиленно издаются и переиздаются. Так, Ф. Прохазка и В. Дурих издали библию, образцом для которой послужил перевод Кралицкой библии — выдающегося произведения XVI в. Появление библии было встречено очень тепло. И. Юнгманн — один из крупнейших деятелей Возрождения — писал, что

¹ См. В. Наврáнек, *Vývoj spisovného jazyka českého*, «Československá vlastivěda», Р. II, Praha, 1936, стр. 68.

² Hošák, *Nové československé dějiny*, Praha, 1947, стр. 380.

³ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 20, стр. 368.

⁴ И. В. Сталин, *Соч.*, т. 2, стр. 305.

для того, кто не имеет Кралицкой библии, библия Прохазки в отношении языка вполне может заменить ее¹. Появляется ряд грамматик чешского языка (Томсы, Пельцеля и др.).

Подъему национальной культуры и укреплению национального самосознания чешского народа в высшей степени способствовало появление к концу XVIII и началу XIX в. различного рода национально-просветительных учреждений, обществ, кружков. В 1792 г. в Пражском университете открывается кафедра чешского языка, в 1798 г. был открыт постоянный немецкий пражский театр, в котором в определенные дни разрешалось ставить спектакли на чешском языке. На развитие чешской национальной культуры и пробуждение славянского самосознания оказали также влияние чешско-русские культурные связи.

Особенно плодотворной и значительной в первый период Возрождения оказалась деятельность патриарха славистики И. Добровского. Добровский, как и другие выдающиеся «будители», понял необходимость создания общенародного литературного языка как основной предпосылки для подъема чешской культуры и дальнейшего развития чешского народа. Но источником этого возрождения Добровский считал не современный народный чешский язык, а язык лучших произведений XVI в. — язык Кралицкой библии и произведений Д. А. Велеславина. Свою задачу И. Добровский видел в том, чтобы продолжить прерванное развитие литературного чешского языка, защитить его от позднейших изменений и новообразований, появившихся не только в грамматиках и словарях XVII—XVIII вв., но и в произведениях писателей-современников. Языку своего времени И. Добровский предписывает велеславинские языковые нормы, и любое отклонение от этой нормы он встречает в штыки. Поэтому И. Добровский горячо рекомендует чтение старых книг. Понимая при этом, что для изучения языка XVI в. недостаточно одного только чтения старых книг, желая облегчить изучение языка старшей поры и способствовать его распространению среди интеллигенции и широких слоев населения (для которых и предназначались литературные произведения, написанные на чешском языке), Добровский написал «Грамматику чешского языка» («Ausführliches Lehrgebäude der Böhmisches Sprache»: 1-е Aufl. — 1809; 2-е Aufl. — 1819), образцом для которой послужил язык «классического периода» чешской литературы. Грамматика Добровского имела огромное значение для нормализации и узаконения грамматических норм литературного чешского языка.

В своей грамматике И. Добровский не только описал систему языковых норм XVI в., но и провел определенную работу по их унификации и упорядочению. Он вводит, например, старое различие деепричастий по числам и родам, отсутствовавшее в языке Кралицкой библии и в произведениях Я. А. Коменского, устраняет множество диалектизмов и новообразований, которые проникли в язык на протяжении XVII и XVIII вв. За существительными мужского и среднего рода в творительном падеже множественного числа и в некоторых других падежах снова закрепляются старые славянские окончания (ср. твор. падеж множественного числа *zuby, tečì*), хотя в народном языке существовала уже совершенно определенная тенденция к их унификации, устанавливается различие полных прилагательных в именительном падеже множественного числа по родам, хотя в народном языке форма прилагательных среднего рода совпадает с женским родом; вводятся инфинитивы на *ti* и т. д.

С другой стороны, Добровский устраняет некоторые вышедшие из

¹ См. J. Jungmann, O různých českého písemního jazyka, «Časopis českého musea», t. 6 (1832), sv. 2, Praha, стр. 169.

употребления явления: он пишет одно *l* [в Кралицкой библии и в некоторых грамматиках периода Возрождения (Пельцеля) писалось два *l*: *l* и *ll*], ограничивает употребление форм двойственного числа и т. д. Добровский, по существу, создал первую научную грамматику чешского языка, в которой описал основные закономерности грамматической системы и осветил законы чешского словообразования.

Признавая положительное значение грамматики Добровского для создания прочной основы литературного чешского языка, следует в то же время подчеркнуть, что появление ее имело серьезные последствия: началось оживление языковых норм старшей поры, узаконение архаического чешского языка в качестве литературного, что обусловило огромный разрыв между нормами литературного чешского языка и народно-разговорной речи — разрыв, который не ликвидирован до настоящего времени.

Известный чешский лингвист В. Матезиус, говоря об основе литературного чешского языка, справедливо указывал: «Создатели нового литературного языка, к сожалению, не были так отважны, как 400 лет тому назад Гус, поэтому не исключили из него грамматических архаизмов. Новый литературный чешский язык стал, таким образом, самым архаическим членом почетной семьи славянских языков и трагически отделился от разговорного чешского языка»¹.

Тем не менее кодификация Добровского была принята и младшим и старшим поколением чешских «будителей», она ревностно охранялась и удерживалась в принципе на протяжении всего XIX в., что объяснялось, разумеется, не только огромным авторитетом Добровского, а более глубокими причинами. Как уже говорилось выше, чешский язык на протяжении почти двух столетий усиленно вытеснялся из всех сфер употребления. Он не был разговорным языком всех слоев населения, не был языком науки и культуры; постепенно он вытеснялся и как административный, официальный язык. В 1781 г. одним из симптомов окончательной ликвидации остатков политической самостоятельности чешских земель, входивших в состав Габсбургской монархии, было провозглашение немецкого языка в качестве государственного. Таким образом, чешский язык фактически на протяжении длительного времени, а официально с 1781 г. не был и государственным языком, что, естественно, вело к его упадку. Этим объясняется значительное колебание норм чешского литературного языка, представленного немногочисленными произведениями XVII—XVIII вв. Язык этих произведений содержит множество различных диалектизмов, характер которых зависел от того, носителем какого диалекта являлся автор. Разговорный язык простых слоев населения не соответствовал задачам культурного возрождения, которые были поставлены в этот период. Так, например, язык городского населения был настолько насыщен германизмами, что И. Юнгманн писал о том, что нельзя писать так, как говорят, так как «иначе такие чудовища, как *miti recht, jiti furt, byti auf, jiti aus* и т. п., к сожалению ежедневно слышимые, мы без колебания должны употреблять»².

Достаточно указать также, что первые деятели Возрождения, выступавшие в защиту чешского языка, писали на немецком или латинском языках.

Таким образом, становится понятным стремление иметь такой литературный язык, который отличался бы стабильностью грамматической струк-

¹ V. Mathesius, Problémy české kultury jazykové, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 442.

² J. Jungmann, Napominatel omylů v písemný jazyk československý se vluzující, «Časopis českého musea», r. XVII (1843), sv. 2, стр. 408.

туры, мог бы стать языком науки и литературы и отличался бы от существующего разговорного языка богатством выразительных средств, который, наконец, можно было бы противопоставить господствующему немецкому языку. Этим и объясняется стремление опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, ибо с этим периодом связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа.

В силу резких диалектных различий, вызванных к жизни эпохой феодальной раздробленности, в силу жестокого национального, политического и социального гнета ни один из диалектов не мог сыграть роли объединяющего диалекта, лечь в основу литературного чешского языка. Поэтому, чтобы избавить язык от неустойчивости, колебаний, диалектизмов, Добровский выступал против попыток приближения литературного языка к народному. Именно боязнь расшатать систему литературного языка не позволила Добровскому опереться на разговорный язык, несмотря на то, что в Средней Чехии к концу XVIII и началу XIX в., возможно, уже существовала обеснá čeština, хотя она еще и не была общенародным разговорным языком¹.

Нормализация и даже частичная архаизация литературного языка в первый период Возрождения была возможна и потому, что литературный чешский язык был в этот период исключительно книжным и отношение к нему со стороны теоретиков было научно-объективистским: к нему относились как к готовой, законченной системе, без учета тенденций его развития. Разговорной формы литературного чешского языка в этот период еще не было. Она возникла не раньше середины XIX в., когда литературный чешский язык начал проникать в различные сферы общественной и культурной жизни.

Вероятно, прав Ф. Колечный, который в своей интересной и свежей по постановке вопроса статье указывал, что разрыв между литературным чешским языком и народно-разговорной речью препятствовал появлению разговорной формы литературного языка². Но, несмотря на этот разрыв, кодификация И. Добровского была горячо принята и ревностно охранялась многими выдающимися деятелями Возрождения. Попытки приблизить литературный язык к диалектам, использовать элементы народной речи наталкивались на категорические протесты, так как образцом литературного языка с точки зрения звукового состава и грамматики (а для Добровского — и лексики) почти всеми признавался язык старой литературы.

Так, в 1832 г. в статье «О различии чешского литературного языка» Юнгманн писал: «Сочинения XVI в., а среди них на первом месте „Кралицкая библия“, национальная сокровищница нашего народа, должны считаться источником и законом для письменного языка в Чехии, в Моравии и в Уграх»³. Выступая против крайнего крыла реформаторов чешского языка, которые пытались ввести в литературный язык диалектные моравские элементы, Юнгманн в той же статье писал: «Если так пойдет и дальше, у нас будут книжки на пражском, домажлицком, краконошском, оломоуцком, турчанском и бог знает еще на каких наречиях»⁴.

Точку зрения Добровского и Юнгманна на памятники старшей поры как на основу литературного языка разделяли и другие выдающиеся

¹ J. Bělič, K otázce vzniku nové spisovné češtiny, «Slovo a slovesnost», r. XII (1950), č. 1, стр. 11.

² См. Ф. Колечный, указ. соч., стр. 16—17.

³ J. Jungmann, O různění českého písemního jazyka, стр. 169.

⁴ Там же, стр. 168.

деятели Возрождения, как, например, Палацкий или Эрбен, несмотря на то, что последний был прекрасным знатоком народного языка и народного творчества. С теми же, кто считал возможным использование в литературном языке элементов диалектной речи, вели борьбу не только Добровский, но и представители более поздних этапов Возрождения (ср. полемику Палацкого с Трнкой, выступавшим за сближение литературного языка с моравскими говорами)¹.

Однако для периода Возрождения было характерно не только любовное изучение литературного прошлого своей страны, но и обращение к народному творчеству чешского и других славянских народов, изучение истории языков и литературы этих народов. Все это в высшей степени способствовало росту национального самосознания чешского народа, укреплению его национальной культуры и идеи единства всех славян.

Выдвигая идею единства славянских народов, деятели чешского Возрождения неизменно обращали свои взоры в сторону России в надежде на помощь русского народа. Установлению тесных чешско-русских культурных связей этого периода способствовало не только изучение русского языка, переводы произведений русской и древнерусской литературы², но и личные связи чешских и русских ученых, установленные ими во время посещения Чехии и России и оказавшие благотворное влияние на развитие чешской национальной культуры. Потребность создания национальной литературы находит выражение в тесной связи со славянскими литературами, в собирании и обработке произведений народного творчества.

4

Изменения социального, экономического и политического характера, развитие науки и техники, интенсивная переводческая деятельность, завоевание литературным языком новых областей культурной жизни, литературы и поэзии рождает потребность в новых словах, понятиях, терминах. Чешскому языку становятся тесны рамки языка XVI в., которые не отвечают запросам нового времени. Поэтому новое поколение чешских «будителей» во главе с Юнгманном выдвигает задачу не только возрождения, но и обогащения словарного состава чешского языка.

И. Добровский возможными источниками лексического обогащения языка считал обновление устаревших слов, заимствование слов из других славянских языков и народной речи; при этом он резко выступал против новообразований. Юнгманн и его ученики шли дальше Добровского. Своеобразно различая в языке форму и содержание, они понимали под формой звуковой строй и грамматическую структуру, под содержанием — лексико-семантическую сторону слов. Форма в языке должна была оставаться, по их мнению, неизменной, в связи с чем юнгманновцы не считают нужным отступать от фонетических и грамматических норм, установленных Добровским, но содержание должно развиваться и изменяться в зависимости от конкретных задач развития языка³. Поэтому Юнгманн считал, что источниками обогащения чешского языка могут быть: 1) памятники древнейшей литературы (XVI в.); 2) чешские диалекты и народный язык, который недостаточно известен писателям и недостаточно оденен ими; 3) произведения новейших писателей, к языку которых, впрочем, Юнгманн рекомендовал относиться очень осторожно, так как эти произ-

¹ См. F. Palacký, O českém jazyku spisovném, «Časopis českého musea», t. 6 (1832), sv. 3, стр. 352—373.

² Имеются в виду переводы произведений Пушкина, Кольцова, Батюшкова, Жуковского, а также перевод «Слова о полку Игореве», сделанный И. Юнгманном.

³ См. A. Jedlička, Josef Jungmann a obrozenská terminologie literárně vědná a linguistická, Praha, 1948.

ведения являются рассадником множества ошибок; 4) другие славянские языки и диалекты; среди последних Юнгманн отмечает моравские и словацкие; 5) дословный перевод с других языков (калькирование), если это не противоречит духу чешского языка; 6) создание новых слов путем словосложения или при помощи словообразования.

Стремление к обогащению чешского языка Юнгманн реализовал в своей обширной практической деятельности: при переводах иностранной литературы и при составлении пятитомного словаря (*«Slovník českonoěmectý»*, 1835—1839). Этот словарь явился ценным практическим руководством, так как не только охватывал словарный запас языка, но, определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов и выражений, положил конец индивидуальному, а иногда и произвольному словообразованию. Опираясь в своем словотворчестве на закономерности словообразования, указанные еще Добровским, деятели юнгманновской генерации создали новую научную терминологию: литературоведческую (ею занимался сам Юнгманн), естественную, математическую, философскую и эстетическую (ими занимался Палацкий). Было создано большое количество специальных терминов. Многие слова, заимствованные из иностранных языков (главным образом немецкого), были в этот период заменены собственнo чешскими (ср. *mord* — *vražda*, *grunt* — *základ*, *handl* — *obchod*, *plac* — *místo* и т. д.).

Множество новых слов было создано в целях развития синонимии (ср. у Юнгманна: *chmara* — *mrak*, *ohromný* — *veliký*). Многие древнечешские слова в этот период были обновлены, возрождены. Большое количество слов было заимствовано из русского языка и из других славянских языков. Так, в этот период из русского языка были заимствованы следующие слова: *přiroda*, *bodrý*, *nutný*, *obzor*, *dějství*, *nápěv*, *vzduch*, *nářecí* и др.

Особенно большое внимание в этот период уделялось образованию специальной, научной терминологии; в результате чего позже появились два терминологических словаря: один вышел в 1851 г. под редакцией Эрбена, другой — в 1853 г. под редакцией Шафарика.

Но стремления Юнгманна и его последователей к обогащению словарного состава литературного языка не получили всеобщей поддержки. Образовалась оппозиция во главе с Я. Неедлым, Гневковским и Я. Пальковичем (так называемые «старомильцы»), которые считали, что язык произведений XVI в. представляет вполне надежную основу для дальнейшего развития чешского языка. Борьба по вопросам лексического обогащения языка, словообразования, а затем и правописания получает отражение в печати: возникает полемика на страницах журналов — сначала журнала «Крок», а затем «Журнала чешского музея». Победили в конце концов «новомильцы», т. е. направление Юнгманна, как наиболее тесно связанное с потребностями современной жизни. Статьи Юнгманна и Палацкого являются определяющими в понимании языковой культуры первой половины XIX в.

Однако следует при этом иметь в виду, что юнгманновцы в своем словотворчестве не всегда учитывали требование общепонятности слов. Язык их произведений, переполненный новыми словами, язык поддельных рукописей Ганки, огромный археологический и культурно-исторический инвентарь Коллара — все это не находилось в достаточном контакте с конкретными потребностями жизни¹. Слишком быстрый рост числа слов, недостаточная их употребительность и устойчивость привели к тому, что жизнь многих новых слов была недолговечна; они довольно быстро исчезли из обихода.

¹ См. F. Vodička, *Vztah obrozené literatury k literárnímu dědictví*, «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1954, стр. 452.

Первая половина XIX в. имела исключительно важное значение для создания основы литературного чешского языка. Она характеризуется бурным ростом словарного состава этого языка, стабилизацией, а в деталях и архаизацией (даже по сравнению с Добровским) фонетической и морфологической его системы. Так, фонетическая система все больше стабилизируется в соответствии со старыми нормами: не допускается *v* перед начальным *o* (*von*), *i* вытесняется звуком *ě* (*mlěko* вместо *mlíko*), во флексиях почти всюду появляется *ý* вместо *ej* (*dobrý* вместо *dobrej*) и *ě* вместо *ý* (*dobrého* вместо *dobrý ho*), *ej* (*iý*) сохраняется в некоторых случаях лишь внутри слов (*bejval*). В грамматике часто употребляются, особенно в поэтическом языке, такие формы, которые даже Добровский считал устаревшими: *dadi* вместо *daji* (3-е лицо мн. числа), устаревшие формы деепричастий на *-eci* (*slyšeci*). В поэзии получают распространение краткие формы прилагательных в атрибутивной функции: *z černá lesa*, *z kamenná srdce*, *stíny modrá nebe* (Марек, Челаковский, Маха). Иногда даже употребляются формы аориста и имперфекта¹.

В области синтаксиса и стилистики первой половины XIX в. следует отметить: сложные периоды, обилие партиципных конструкций, постановку глагола и возвратного компонента на конце предложения, наличие определения за определяемым словом, употребление типичных для латинского языка конструкций именительного и винительного с инфинитивом (*vidím se seděti*, *ukázala se povolnou bjti*), безличного пассива (*mluveno se*) и т. д.

Все указанные особенности, представленные в произведениях Палацкого, Юнгманна, Коллара и др., являются продолжением традиций литературного языка XVI—XVII вв. (см. произведения Я. А. Коменского, Велеславина и чешских братьев).

Однако уже в 30—40-е годы XIX в. наблюдается значительное расширение сфер применения чешского языка, который выступает уже как средство общения и взаимного понимания, как необходимый компонент в образовании чешской нации, нового чешского общества.

Так как чешский язык не мог распространяться через школу, проводником воспитательной языковой политики были прежде всего журналы, научная и художественная литература, читательские «беседы» и кружки. Большую роль в распространении чешского языка, особенно в его разговорной форме, играл чешский театр, который был школой языка, так как о повседневных сторонах жизни в нем говорилось по-чешски. Большая заслуга в этом принадлежит писателю и драматургу Тылу, который писал: «Говорите, пойте, декламируйте, танцуйте по-чешски»². Требование «понятности» чешского языка, выдвигаемое в это время, несомненно, было связано с его демократизацией, вытеснением из него книжных элементов и проникновением народных; оно было связано со стремлением к естественности, простоте и непринужденности при выборе языковых средств.

Отражение указанных требований можно найти прежде всего в произведениях Тыла. Именно к этому периоду относятся зародыши разговорной формы литературного языка, нормы которой были еще весьма неустойчивы и значительно отличались от архаической кодификации Добровского. Следует отметить, что единый литературный чешский язык создавался медленно и постепенно. Живая языковая практика еще долгое время находилась в отрыве от установленных кодификацией Добровского норм, так как писатели, адресующие свои произведения народу, писали на языке, близком и понятном народу (Тыл, Немцова и др.).

¹ См. B. Havránek, *Vývoj spisovného jazyka českého*, стр. 96.

² См. Jedlička, *K otázce jazykové kultury v třicátých a čtyřicátých letech XIX století*, «*Studie a práce lingvistické*», I, стр. 461.

К середине XIX в. предпосылки для успешного национального развития Чехии становятся еще более определенными. Богатый событиями 1848 г. открывает новую страницу в истории Чехии, страницу политической борьбы — сначала за национальную автономию, а позже — за полную национальную самостоятельность чешского народа. 1848 г. принес изменения в политической и социальной жизни Чехии: отмену барщины и других феодальных повинностей, ликвидацию ряда привилегий чешского дворянства, усиление развития капитализма. Особенности развития капитализма, определявшиеся сосредоточением крупной промышленности в руках немцев, а мелкой и средней — в руках чехов, экономическим и политическим господством немцев во всех областях, вызвали ожесточенную борьбу чешской буржуазии против немецкой; борьба эта носила характер национально-освободительной борьбы, перераставшей в политическую¹.

Указанные обстоятельства не могли не отразиться на дальнейшей судьбе чешского языка и литературы. В 1849 г. была открыта первая чешская школа; чешский язык и чешская литература были введены как учебные предметы в некоторых средних школах. С 1866 г. обучение в школах начинает производиться на чешском языке. Были открыты народные школы и введено обязательное обучение (в некоторых школах с 1848—1849 гг.). Открываются высшие технические учебные заведения. В 1882 г. Пражский университет был разделен на две части: чешскую и немецкую, что оказалось весьма благотворным для развития, изучения и научной обработки чешского языка. Широко развертывает свою деятельность Академия наук.

Национально-политическая борьба, вызвавшая общий подъем чешской культуры, дает толчок развитию чешской публицистики и журналистики. Функции чешского языка начинают расширяться, чешский язык постепенно отвоевывает себе все новые и новые области: проникает в школу, в учреждения, в общественную жизнь. Литературный чешский язык перестает быть привилегией писателей и просветителей, языком только художественной и научной литературы, он становится языком общения, начинает обслуживать все общество. Этому в высшей степени способствовало введение всеобщего обучения и бурное развитие литературы, особенно публицистической, трактующей различные вопросы хозяйственной, политической и культурной жизни и обращенной к широким слоям городского и сельского населения.

В связи с этим в середины XIX в. литературный чешский язык в произведениях наиболее передовых, связанных с народом писателей освобождается от книжного архаического словаря и фразеологии; сложный синтаксис «классического» периода уступает в них место простым и ясным предложениям, более близким живой речи широких народных масс. Стремление к ясности, простоте, освобождение от искусственности, т. е. в конечном счете демократизация языка, становятся все более насущными требованиями этого периода. В связи с проникновением литературного чешского языка в различные сферы общественной жизни, в связи с его демократизацией рождается разговорная форма, которая является как бы связующим звеном между литературным чешским языком и народно-разговорной речью, очертания которой как наддиалектного образования уже вырисовываются в это время.

Разговорная форма чешского литературного языка рождается, вероятно, первоначально в пражском центре, в довольно узком кругу, еще до 1850 г. и получает свое дальнейшее развитие по мере демократизации литературного языка и расширения его функций². Развиваясь, она на-

¹ См. И. И. Удальцов, 1848 год в Чехии, в кн.: «История Чехии», под ред. акад. В. И. Пичета, Госполитиздат, 1947.

² См. J. Bělič, указ. соч., стр. 14.

чинает оказывать в свою очередь влияние на письменный литературный язык, что сказывается прежде всего на синтаксисе, лексике и фразеологии.

На дальнейшее развитие чешского языка оказало влияние и то обстоятельство, что чешская интеллигенция, стремившаяся к пробуждению национальных идей в чешском народе, сильно пополняется в это время за счет выходцев из среды сельского населения, которое потянулось в города. Под влиянием этих слоев интеллигенции общественная и культурная жизнь Чехии приобретает более демократический характер. Важно и то, что деятели науки и культуры этого времени сами одновременно являлись носителями живой разговорной речи.

Все это находит выражение в языке публицистических и художественных произведений лучших и наиболее прогрессивных писателей, публицистов и общественных деятелей того времени. Начало этих процессов относится, несомненно, еще ко времени до 1850 г. Так, язык сочинений К. Тыла уже более близок к живому языку своего времени, чем язык его предшественников и современников. Но настоящим рубежом в этом отношении являются произведения Б. Немцовой (особенно ее «Бабушка», 1855 г.), которую Ю. Фучик справедливо называет революционеркой слова, так как язык ее произведений, свободный от всего искусственного и надуманного, полностью опирается на народную речь¹.

Следует сказать, что сближение норм литературного языка с разговорным выражалось не только в использовании элементов народной речи, но и прежде всего — в отходе от архаизмов предшествующей эпохи. Характерными в этом отношении являются публицистические произведения К. Гавличка-Боровского, язык которого выгодно отличается отсутствием архаизмов от языка его современников (например, Ф. Палацкого). Вместе с тем в языке Гавличка-Боровского наблюдается использование элементов разговорного языка, свободного от вульгаризмов, германизмов и просторечных элементов, которыми была переполнена пражская разговорная речь этого периода.

Говоря о сближении литературного языка с разговорным, следует упомянуть и о Яне Неруде, язык произведений которого характеризуется умелым соединением средств литературного языка с естественной легкостью и простотой разговорной речи. Чешский критик Ф. Шалда очень образно сказал о Неруде, что тот имел страшное мужество взять слова с улиц, немые и нечесанные, такие, какими он их захватил, и сделать из них послов вечности.

Прогрессивные писатели середины XIX в. черпали демократические элементы своего языка из разных источников [ср. элементы языка сельского населения у Немцовой или городского (пражского арг) у Неруды], но всех их объединяет то, что они освободили язык от тяжеловесности, архаичности, искусственности, приблизили его к живой народной речи, а тем самым к потребностям реальной жизни общества. В произведениях Тыла, Гавличка, Немцовой, Неруды и др. уже определяются основы современного литературного языка. Позже эту линию развития продолжили представители передовой чешской литературы, такие, как А. Ирасек, С. И. Нейман, И. Ольбрахт, М. Майерова, И. Волькер и др.

Но литературный язык этого периода, лексически и синтаксически близкий народному языку, не отличался стабильностью звуковой и грамматической системы. В употреблении тех или иных звуковых или грамматических форм были представлены колебания: *ý(i) — ej* (*prý — prej, výskal — vejskal*), *ú* и *ou* в начале слов (*úplný — ouplný*), колебания в ко-

¹ J. Fučík, Božena Němcová bojující, сб. «Tři studie...», Praha, 1947.

личестве (*uhel—úhel, usta—ústa*); в области форм) (*abychom—abychme—abysme, řici—řict, džkuju—džkují*)¹.

Указанные колебания являются свидетельством того, что практически литературный язык не имел еще единой, установившейся нормы. Во всяком случае эта последняя значительно отличалась от нормы, предписываемой теоретическими пособиями по языку.

Таким образом, вторая половина XIX в. является периодом становления и развития разговорной формы литературного языка, сближения письменного литературного языка с народным, разговорным, появления нового типа литературного языка.

Изменения в экономической и политической жизни страны, быстрое развитие науки и техники не могли не отразиться на изменении словарного состава языка. Интенсивное словообразование, развитие фразеологии и терминологии в связи с новыми потребностями жизни, большое количество заимствований, производимых без достаточного контроля и теоретических оснований, — все это вызвало среди теоретиков чешского языка тревогу и опасения за дальнейшее развитие родного языка. В 1870 г. в обращении «Чешской матицы» читаем: «для того, кто внимательно следит за развитием нашей литературы и языка в последние десятилетия, не может быть тайной, что хотя письменность чешская отличается от предшествующего периода множеством разнообразных плодов, язык наш все больше утрачивает первоначальный характер... есть все основания опасаться, что настоящий чешский дух в нем окончательно исчезнет и останется только пустой звук».

Ревнители «первоначальной чистоты» чешского языка выступили за его очищение от заимствований, новообразований и пр. Начали появляться «Брусы» — специальные пособия, в которых обращалось внимание на неправильное значение, употребление отдельных форм слов и выражений, вместо которых предлагались «правильные». Первые «Брусы» были неудачны, но затем дело «исправления» чешского языка взяла в свои руки специальная комиссия, созданная при «Чешской матице». Деятельность этой комиссии была направлена на создание пособий (т. е. тех же «Брусов») по чешскому языку, которые могли бы служить руководством практического характера. Первое издание этих «Брусов» вышло в 1877 г., второе — в 1881 г., третье — измененное и дополненное — в 1894 г.

Определяющим для деятельности «брусичей» было признание того, что современный им литературный чешский язык находится в состоянии глубокого упадка.

В обращении к чешским писателям в предисловии к 1-му и 2-му изданиям «Брусов» читаем: «Наши писатели при существующей организации школ... получили недостаточное знание своего языка... Они переливают чужие мысли в наш язык чужими оборотами, которые противоречат духу чешского языка». В связи с этим выдвигались принципы «исторической чистоты» и «прямолинейной правильности», которые привели к тому, что мерилом языковой правильности современного языка были объявлены: 1) литературный язык старшей поры, которым были написаны произведения XVI и XVII в.; 2) народные диалекты и другие славянские языки, которые признавались источником познания и пополнения современного чешского языка. Последнего направления придерживался моравский лингвист Бартош, который считал, что первоначальное, ничем не нарушенное наречие сохранилось только в народе.

¹ «Učebnice jazyka českého pro IV. třídu gymnasií a vyšších odborných škol», Praha, 1953, стр. 30—31.

«Брусы» содержали 2 части: морфологическую и фразеологическую. Во фразеологической части мы находим попытку внедрить слова и обороты, взятые из старого языка и из словаря Юнгманна. Комиссия отбирала также различные обороты из народных говоров, но проводилось это в более ограниченных масштабах. Морфологическая часть, несмотря на представленные в ней архаизмы, все-таки способствовала некоторой стабилизации грамматических норм рассматриваемого периода. В целом же консервативная, реакционная точка зрения, проводимая в «Брусах», отрицательно сказалась на сближении литературного языка с его разговорной формой. «Была надежда, — пишет В. Матезиус, — что и разговорный язык начнет влиять на литературный и что в результате этого уменьшится опасный разрыв между ними, который возник вследствие архаизации литературного языка. Но тут вдруг началось злополучное вмешательство чешских пуристов»¹.

Действительно, противопоставляя существующей языковой норме якобы ничем не нарушенную норму языка старой литературы и искусственно обработанную народную речь эпохи феодализма, отказываясь от употребления иностранных слов вообще, «брусичей» не учитывали потребностей языкового развития, в конечном счете выступали против тех завоеваний, которых добилась чешская буржуазия за минувшее столетие, не учитывали силы сопротивления национального языка, не поняли основных тенденций его развития. В результате потребности развития современного языка расходились с его теоретической обработкой.

Поэтому литературные школы данного периода мало обращали внимания на призывы к соблюдению традиционной чистоты языка, принимая «Брусы» с таким же недоверием, с каким «брусичей» относились к их языку. Во многих случаях усилия «брусичей» не принесли никаких результатов, так как изгоняемые ими слова и обороты до сих пор живут в языке.

Языковая практика, развитие чешского языка шли помимо «Брусов», авторитет которых померк уже в 80-е годы. Чешские писатели, журналисты не придерживались рекомендованных «Брусами» норм. Литературный чешский язык этого периода поэтому не отличается стабильностью; языковые нормы были сильно распатаны.

Выступление в конце XIX в. известного филолога и лингвиста Я. Гебауера сыграло большую роль в истории нормализации и научной обработки чешского языка. В своей монументальной исторической грамматике (J. Gebauer «Historická mluvnice jazyka českého», d. I—III, 1894—1898), а также в своих школьных и практических грамматиках («Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské», «Příruční mluvnice jazyka českého pro učitele a studium soukromé») Гебауер поставил на научную историческую основу фонетику и морфологию чешского языка. Его работы — это, по существу, первая попытка пересмотреть кодификацию литературного языка после И. Добровского. Однако деятельность Гебауера не прибилизала языковую теорию к языковой практике. Интерес Гебауера к истории языка, а также стремление извлечь чешский язык от колебаний определили то, что описанная им норма литературного языка (особенно в области фонетики и морфологии) была довольно архаической; диалектизмы и народно-разговорные элементы в грамматике устранялись; некоторые архаизмы узаконивались. В принципе Гебауер не отошел от Добровского; проведенная им нормализация фонетики, грамматики, синтаксиса и даже орфоэпии касалась лишь деталей.

Тем не менее работы Гебауера, как в свое время и работы Добровского, имели огромное влияние на современников и надолго определили их линг-

¹ V. Mathesius, указ. соч., стр. 443.

вистическую практику. Эти работы были исходными при выработке правил чешского языка, вышедших в 1902 г. с предисловием Гебауера: «Pravidla hledící k českému pravopisu a tvarosloví». Хотя в предисловии к «Правилам» нет жалоб на упадок языка, в них определяются принципы нормализации литературного языка, допускаются даже параллельные формы и колебания, но в самих «Правилах» представлено бесспорное стремление к архаизмам, которые своим появлением обязаны не только интересам Гебауера к историческим исследованиям, но и тем, что среди его помощников были ярые пуристы. Пуристические тенденции «Правил» в дальнейшем еще больше усилились: были устранены допускаемые ранее колебания и увеличено количество архаизмов.

Таким образом, теоретические работы по языку, появившиеся во второй половине XIX в., хотя и сыграли некоторую положительную роль в нормализации грамматики чешского языка, но своим стремлением сохранить «первоначальный дух» и «традиционную чистоту» способствовали не только консервации литературного чешского языка, но и его архаизации, в связи с чем углубился тот разрыв между письменным литературным языком и разговорной речью, который в силу исторических условий развития чешского языка возник в конце XVIII — начале XIX в.

Пуризм в чешской лингвистике снова усилился во время первой мировой войны. Представители пуристического направления сосредоточили свою деятельность в журнале «Наша речь» («Naše řeč»), который начал выходить в конце 1916 г. Отрицательное отношение к живым тенденциям развития современного литературного языка в послевоенный период, в связи с расширением функций литературного чешского языка, возросло еще больше. Поэтому журнал «Наша речь» в отношении к языку продолжал линию «Бруссу» на сохранение норм старого книжного языка. Стремясь сохранить чистоту языка, а тем самым и национальную индивидуальность, «Наша речь» хотя и не вводила уже в литературный язык архаизмы и диалектизмы, но препятствовала введению новых слов и оборотов, хотела очистить язык от иностранных слов и заменить их чешскими. Произведения современных писателей считались ненадежным источником познания языка, ибо, как говорил И. Зубатый, этот язык из-за неблагоприятных исторических условий вырос без надежной исторической традиции¹.

В это же время возникает новая точка зрения. Известный чешский ученый Эртль в статье «Хороший автор» впервые заговорил о том, что источником познания современного языка может быть язык современных писателей, язык «хорошего» автора. Таким автором, по мнению Эртля, может быть тот, кто никогда не нарушал и не нарушает норму, которую находим у авторов абсолютно хороших, т. е. у большего числа выдающихся писателей². Теория «хорошего автора» Эртля является первым проблеском доверия к нормам современного языка.

Переработка грамматики Гебауера, проведенная Эртлем, отразила его теоретические позиции. Ряд примеров из старого чешского языка он заменил примерами из современных писателей. Однако после смерти Эртля и Зубатого, когда ответственным редактором «Нашей речи» становится Галлер (1930), журнал начинает проводить линию воинствующего пуризма. Назначение теоретика-лингвиста Галлер видел в том, чтобы внедрить старую языковую кодификацию в писательскую практику. Поэтому «Наша речь» не переставала поучать писателей и современников в этом направлении, подвергая разбору их произведения с точки зрения правильности языка. Многие чешские писатели, увидев в этом опасность для развития

¹ J. Z u b a t ý, O úpadku našeho knižního jazyka, «Naše řeč», r. IV (1920), č. 1, стр. 1—9.

² V. E r t l, Dobrý autor, «Národní listy», Praha, 1927.

языка и литературы, резко выступили против деятельности «Нашей речи». Так, один из лучших художников слова, известный чешский писатель И. Ольбрахт, в своей статье «Языковое смятение» (1931 г.), осуждая позицию «Нашей речи», где был, в частности, проведен разбор книги Фишера, писал о том, что чешский поэт, драматург, писатель, переводчик, журналист, доктор философии, университетский профессор, филолог по призванию, Фишер сделал в своей книге «Душа и слово» более двухсот орфографических, синтаксических, грамматических и пр. ошибок. «По-чешски не умеют правильно писать не только такие писатели, как Неруда, Гавличек, Чех, Райс, Ирасек, как это бесспорно в 9-м и 10-м номерах прошлого года доказала „Наша речь“, но по-чешски не умеют писать ни университетские профессора, ни молодые филологи, как это показано разбором книги О. Фишера. Кто же в Чехии знает чешский язык?»¹. Далее Ольбрахт пишет:

«Очевидно, что правильно по-чешски умеют писать только редакторы „Нашей речи“. Но разве язык, который знает всего несколько человек, это живой язык? Это еще чешский язык? Если так, то к чорту его! Это какой-то мертвый балтийский язык, это старопрусский язык, который знает хорошо только господин профессор Эндзелин, а кроме него — еще около 6 человек»².

Приведенная цитата красноречиво свидетельствует о том, в каком противоречии находились языковая теория и языковая практика. К протесту писателей (Фишер, Эйсер, Ольбрахт, Ванчура и др.) присоединился давно уже назревавший протест чешских лингвистов, филологов. В 1932 г. в полемику о культуре чешского языка включились представители пражского лингвистического кружка: Матезиус, Гавранек, Мукаржовский, Якобсон, Вейнгарт. Сформулированные ими принципы понимания языка они изложили в своих «Тезисах» еще в 1929 г. на международном съезде славистов в Праге. В начале 1932 г. ими был организован цикл лекций, посвященных вопросам языковой культуры, и в том же году выпущен в свет сборник «Литературный язык и языковая культура»³.

Представители пражского лингвистического кружка исходили в своей практике из следующих принципов: 1) последовательная синхрония, т. е. изучение норм современного литературного языка, причем нормы эти нельзя искать ни в произведениях старшей поры, ни в народной речи. Источником познания современного литературного языка могут служить произведения литературы за последние 50 лет, с учетом произведений и таких писателей, которые закладывали основу литературного языка (Тыл, Немцова, Гавличек); 2) функциональная точка зрения: строгое различение задач, которые поставлены перед языком, различными его аспектами и проявлениями (норму литературного языка нельзя рассматривать с точки зрения диалектной нормы, так как перед литературным языком и диалектом стоят совершенно различные задачи); 3) структуральное понимание языка, т. е. понимание языка как системы.

Исходя из этих принципов, представители пражского лингвистического кружка отрицают пуристический тезис об упадке литературного языка, выступают против принципов «исторической чистоты» и «прямолинейной правильности». Выдвигая требование стабильности языковой нормы литературного чешского языка, структуралисты отказывались постигать современную языковую систему с точки зрения прошлого, ибо с этой точки зрения современный язык содержит много неправильностей, представляет упадок.

¹ J. Olbracht, O jazyce a literatuře, Praha, 1953, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

³ «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932.

На определенном этапе требование структуралистов о синхронном изучении языка сыграло, безусловно, положительную роль. Смогли жалобы на всеобщий упадок литературного языка. В новых «Правилах чешского правописания» 1941 г. уже были выброшены архаические неологизмы, исторический пуризм во многом был регламентирован, была сделана попытка опереться на живой литературный язык. В «Правилах» допускаются уже параллельные формы в случае отсутствия стабильности в употреблении тех или иных слов. В морфологии выступает совершенно определенная тенденция к закреплению форм, общих с живым разговорным языком; в синтаксисе — отход от сложных периодов, характерных для периода Возрождения. «Правила», выпущенные в 1946 г. и в 1948 г., содержат лишь незначительные изменения по сравнению с изданием 1941 г. Таким образом, деятельность членов пражского лингвистического кружка способствовала сближению языковой практики и языковой теории, делала более возможным сближение архаической формы письменного литературного языка с его разговорной формой.

Однако принципы пражского лингвистического кружка, проводимые в теоретических работах членов этого кружка, с точки зрения современного марксистского языкознания страдают рядом пороков и недостатков. Требование синхронного, статического изучения языка в сочетании с функциональной точкой зрения, согласно которой язык, языковые средства, различные языковые проявления рассматриваются и оцениваются с точки зрения выполняемых ими задач (функций), не позволяло пражским структуралистам правильно понять взаимоотношение языка и мышления, связь языка с историей общества, сделало невозможным для структуралистов установление закономерностей языкового развития, выявление исторических причин и путей развития языка. Идеалистическим является также признание автономности развития литературного и особенно поэтического языка, нашедшее свое выражение, в частности, и в очень богатой фактическими данными, широкими обобщениями и глубоким анализом конкретного материала «Истории литературного языка» Б. Гавранека, где читаем: «...литературный язык имеет свое автономное развитие и свою автономную систему, которая не покрывается, да и не может покрываться в своих тенденциях системой какого-либо наречия»¹. Признание автономности литературного языка находится в противоречии с положением о том, что язык — это общественное явление, что он живет и развивается вместе с развитием общества. Признание особых закономерностей развития поэтического языка, так привлекавшего внимание чешских структуралистов, позволило им прийти к убеждению, что язык художественной литературы имеет право на деформацию, которая будто бы выполняет особую функцию, но которая в действительности приводила к разрушению его норм.

Подчеркивание функционального использования тех или иных языковых средств, исключительности употребления тех или иных выражений в различных областях языкового общения, признание особых закономерностей, автономного развития различных пластов языка приводило к тому, что язык как единый, общий переставал существовать: переставала ощущаться органическая связь составляющих его частей, терялись внутренние закономерности развития, свойственные всему языку в целом.

Возвращаясь к вопросу о существующем до сих пор разрыве между литературным письменным языком и его разговорной формой, с одной стороны, между литературным языком в целом и его научно-разговор-

¹ B. Havránek, *Vývoj spisovného jazyka českého*, стр. 138. Позднее Б. Гавранек отошел от указанной точки зрения. См. его статью «Přehled vývoje českého jazyka s hlediska marxistického» и ряд других статей.

ной речью, с другой, можно сказать, что разрыв этот не мог быть ликвидирован в условиях капитализма. Причины этого заключались в следующем: сложный путь формирования национального чешского языка в условиях ожесточенной борьбы с языком господствующей нации, наличие латинского языка как языка церкви, а на протяжении многих столетий и языка науки, господствующее положение немецкого языка как государственного, официально-канцелярского и разговорного (для определенной части населения), противоречия, заложенные в самой системе капитализма (невозможность равномерного распространения грамотности и культуры, неравномерная нивелировка местных диалектов), ограниченность буржуазно-национального движения, дававшая себя знать в специфических уклонах языковой политики (идеализация исторического прошлого, стремление «законсервировать» литературный язык старшей поры, отгородить его от влияния народно-разговорной речи), — все это стимулировало и поддерживало большое расхождение между нормами письменного языка и устной речи.

Говоря о перспективах дальнейшего развития чешского литературного языка, можно предположить, что развитие это пойдет по линии уничтожения противоречия между письменным литературным языком и народно-разговорной речью. Подобные тенденции наметились еще в середине XIX в. и нашли отражение в произведениях наиболее талантливых и прогрессивных чешских писателей, они развивались по мере расширения функций чешского литературного языка.

Усиление влияния литературного чешского языка на диалекты, приводящее к нивелировке этих последних, сближение с разговорной формой литературного языка и народно-разговорной речью — вот единственно плодотворная основа развития и обогащения литературного чешского языка.